

ГРИГОРИЙ БЕЛОРЕЦКИЙ

(ОКОНЧАНИЕ).

бежал изо всей мочи нагой человек. Он вихрем пронесся мимо нас, нагнув вперед голову, и неистово махал руками. Бежал он по дороге, ведущей в степь и быстро исчез в темноте ночи»...

Опутанные предрассудками крестьяне тщательно скрывали от доктора, что в деревне есть больной — умалишенный. Они его «лечили» сами, часто били смертным боем, чтобы, как они говорили, «выгнать беса». «Не Ивана били, беса в нем били, выгоняли», — говорили, оправдываясь, старики.

Г. Белорецкий подробно описывает «сумасшедший дом», куда попадают единицы из большого количества больных и душевно искалеченных людей. В этом «сумасшедшем доме» смешались бред, сон и живая жизнь. «Мне приходилось видеть эти дома», — пишет Г. Белорецкий, — они все так переполнены, что о каком-нибудь лечении в них не может быть и речи, так что из больниц они превращаются в дома заключения, а из врачей получаются тюремщики».

Тяжелая доля врача открывалась перед Г. Белорецким во всей своей неприглядности. Виной тому были социальные условия, обрекавшие народ на голод, нищету и болезни. Белорецкий ясно видел и понимал всю тяжесть избранного им пути. Но то, что ему скоро пришлось увидеть во время русско-японской войны, на полях далекой Манчжурии, далеко превзошло тяжелые картины горнозаводской и крестьянской жизни.

Русско-японская война надолго оторвала Г. Белорецкого от любимого Урала, от уральских заводов и деревень. Лето 1904 г. застает его всеянным врачом в «летучем» отряде красного креста на передовых позициях в Манчжурии. Вместе с солда-

тами он делит всю тяжесть походной жизни. Смерть неоднократно заглядывала ему в глаза, проходила близко, рядом, почти касаясь смертельно измученного врача, забрызганного кровью раненых солдат.

Об этом Г. Белорецкий просто и хорошо рассказал в своем большом произведении «На войне». Это, собственно, не рассказ в обычном смысле этого слова: это документальная повесть, написанная по горячим следам. Записная книжка умного и вдумчивого наблюдателя-очевидца, по достоинству, надо полагать, была оценена редактором журнала «Русское богатство» В. Г. Короленко. Не случайно журнал представил «На войне», как ведущее произведение, как главный материал, отрыв им два номера.

Повесть «На войне» Г. Белорецкого появилась в журнале, изуродованная царской цензурой. Только после революции 1905 г. удалось Г. Белорецкому издать свои записки о войне под другим названием — «Без идей».

«...Зачем приехали сюда эти люди? — спрашивает один из близких друзей Г. Белорецкого, молодой и пылкий офицер Унтерберг. — О, если их спросить, услышите и о «долге сына отчества», и о великом «провиденциальном назначении России... Много звонких слов! Сегодня мне попался номер газеты... На первой странице статья «Идея нашей войны»... Какая там, к черту, идея! Здесь о ней смешно говорить. Здесь каждый генерал преследует лишь свои личные цели. Генералу надо стяжать славу и деньги, офицеру — отличиться и получить орден, солдату, — чтобы скорее отпустили домой. И каждый будет доволен, если сражение будет постыдно проиграно, а он отличится и получит «с мечами и бантом»... Идея? Ну, если нет идеи,

значит есть какая-то другая темная и гнусная сила, судьба — что ли, согнавшая сюда этих людей. Маленьких, жалких, ничтожных, слепых» («Без идей», стр. 45 — 46).

Идей нет, — утверждает Г. Белорецкий. Не только среди солдат, но и среди передового офицерства идег глухое брожение, недовольство войной, еще более разжигаемое грабежами, аферами и бесчинствами, которые чинили власть имущие в русской армии.

Приведенную выдержку царская цензура из журнала «Русское богатство» вырезала.

В рассказе «Химера» Г. Белорецкий показывает публичную казнь китайцев, на которую, как на интересное зрелище, приехал генерал, захвативший с собой одного американского корреспондента: смотри, мол, Америка, как мы действуем. Когда палач, взмахивая окровавленной пашкой, рубил приговоренным головы, генерал весь загорелся и, сопя, судорожно выхватывал наполовину пашку из ножа. Нельзя было без отвращения и внутреннего содрогания смотреть на эту страшную фигуру дорожного, кровожадного зверя, роняющего сладострастную слюну при виде крови людей, скованных по рукам и ногам. «Иногда, даже само слово «война» ассоциируется в моем мозгу с этой дородной и пошлой фигурой, грязножелтым пятном выступающей на фоне трупов, крови и языков пламени...».

В другом месте Г. Белорецкий пишет: «Мы работали, и земля вокруг нас была покрыта кровавыми обрывками белья и бинтов, шариками ваты, налитанными кровью. И руки наши тоже были в крови, засохшей выше кистей и еще липкой на пальцах и мы не могли найти свободной минуты их вымыть».

Во время одного из таких боев Г. Белорецкий, находившийся на передовочном пункте, упал, обливаясь кровью. Он был тяжело ранен пулей в грудь.

Действительные пружины сложного механизма империалистической войны 1904 — 1905 гг. Г. Белорецким не были поняты и вскрыты. Но то, что он сумел запечатлеть острым взглядом наблюдателя и пером писателя-летописца, дает нам чрезвычайно интересный материал для понимания причин и значения русско-японской войны, когда русский народ остался непобедимым, а был побежден цариизм.

Вернувшись с русско-японской войны, едва оправившись после тяжелого ранения в грудь, он усиленно хлопотет о предоставлении ему места врача на Белорецком металлургическом заводе. Он рвется в родные места на Урал. Однако, заводское начальство, зная, что Г. Белорецкий связан с литературными кругами и сам выступает как писатель, отказывает ему. Он вынужден ехать в гор. Скопин, Рязанской губернии, и занять там место врача.

После удачных и интересных рассказов о русско-японской войне Г. Белорецкий пытается выступить с рассказами о мирной жизни, черпая богатейшие наблюдения из своей практики земского врача. Но тут его постигают творческие неудачи. Суровым, беспощадным критиком творческих ошибок Г. Белорецкого, как писателя, выступает В. Г. Короленко. Это был сложный и мучительный период в жизни Белорецкого.

Много переживший и перестрадавший, он впадает в глубокое разочарование жизнью, своей врачебной деятельностью, перестает видеть какой-либо смысл и в том и в другом. Разочарование жизнью, пессимизм сказались в рассказе Г. Белорецкого «Кризис» с еще большей остротой и обнаженностью. Здесь писатель опять пытается поставить вопрос об идее жизни, о том, как жить и что надо делать передовым людям.

О последнем рассказе «Кризис» В. Г. Короленко пишет: «...рассказ... чисто публицистический; факты под-

кладываются под известный силлогизм. Жаль будет, если Белорецкий направит этим путем свое дарование».

В редакторской книге, после получения этой рукописи Белорецкого, записано мнению Короленко об этом рассказе: «Характерно для целого течения, вновь возникающего. Написать при случае рец.» Как видим, В. Г. Короленко считал вопрос, поднятый Г. Белорецким, исключительно важным и сам собирался выступить с рецензией на эту тему, но, очевидно, не успел выполнить своего намерения и рецензия написана не была.

О чем же идет речь в рассказе Г. Белорецкого «Кризис»? С чем не согласен был В. Г. Короленко, при знавший, как видим из записи в редакторской книге, тему очень важной и идеи автора характерными для целого вновь возникающего течения?

В своем письме к П. Ф. Якубовичу В. Г. Короленко пишет так: «...Все это — сочинение на заданную тему: культурная работа вообще вздор и приносит лишь вред...» «По мнению Белорецкого — пишет далее Короленко, — вредна и земская медицина, а земские врачи просто-таки воры». «И во имя чего же такой строгий суд?» — спрашивает Короленко. Отвечая, он приводит следующую выдержку из рассказа Г. Белорецкого, где он характеризует общественные условия: «И вот теперь — освободительное движение, может быть, даже революция». И в этих условиях культурная работа, земская медицина, работа врача, по мнению Г. Белорецкого, пустяки и безнадёжная мелочь. Герой его рассказа так и говорит об этом: «Какие пустяки, какая безнадёжная мелочь в сравнении с тем переворотом, какой необходим».

Существующий царский строй должен быть сменен, — «переворот нужен, действительно нестерпимо необходимо, чтобы можно было жить», —

пишет Г. Белорецкий. При самодержавном строе жить нельзя. А раз нельзя жить, зачем тогда заниматься «мелочами» быта, латанием заплаток. Зачем тратить свои силы на сохранение здоровья одному, когда еще не решен вопрос переворота, когда не создано нормальных общественных условий всему трудовому народу, таких условий, когда можно действительно жить по-настоящему, а не прозябать. Жить при новых социальных условиях, когда и деятельность земского врача, обреченного теперь на прозябание, приобретает высокий смысл и новое богатое содержание, — вот о чем мечтает Г. Белорецкий.

Перед лицом новых сдвигов в классовой борьбе, особенно после революции 1905 г. Г. Белорецкий остро почувствовал ничтожность и реакционность этой проповеди малых дел, которой, кстати сказать, сам он никогда не увлекался.

В условиях царской России не нашёл себе места этот талантливый человек, выпавший из народа и кровно связанный с ним. В 1912 году в гор. Скопине на 33-м году жизни наступил его конец.

Однажды соседка по квартире заметила, что Г. П. Ларионов второй день не выходит из своей комнаты. Постучала, ответа не было. Взломали дверь и увидели его спящим в кресле около стола. Перед ним стоял пустой пузырек из под морфия. Г. П. Ларионов был мертв. Так оборвалась жизнь этого даровитого молодого писателя.

И на его примере, как и на тысячах других, мы видим полтверждение, яркую иллюстрацию мысли, высказанной В. И. Лениным, о том, что капитализм мят, уродовал и душил таланты, выпавшие из народа.

А. ПРЯМКОВ.